

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2002

Песчаный берег

Сон

По-моему, меня били. Опять. И на этот раз особенно сильно, какой-то ублюдок на прощанье полоснул мое полумертвое тело своим огненно-золотым магическим мечом. Вот бы и мне такой! Хотя нет, не надо мне этой тяжелой железяки, подумаешь — длинный меч. Мой удел — магия и колдовство. Только вот на этот раз оно меня не выручило, как, впрочем, и пять предыдущих раз, когда меня оставляли без денег и вещей валяться прямо на дороге какие-то гады. Менялись имена убийц и мучителей, разбойников и просто любителей поохотиться в лесу на умного зверя — то есть на меня. В том, что я умный сомневаться не приходится — только вот сила подкачала, даже простенькую кольчугу надеть не могу.

«Хватит! Довольно! Надоело!»

Не помню, что я еще говорил, когда мое брренное и, кстати, порубленное тело покинул бессмертный дух.

«Ничего будет у меня новое тело и будет новый день!» — говорю себе я, а мир тем временем теряет свои краски, и становится так легко. Я просыпаюсь? Или, может быть, засыпаю? Не знаю, но ощущение очень похожее.

Мой новый сон — я все-таки сплю — как всегда, поразил меня нереальностью происходящего. Я сижу на странном черном стуле и знаю

неизвестно откуда — такое часто бывает во сне — что этот стул зовется «офисным», я также знаю, что такое «офис», но сейчас я нахожусь не в нем, а у себя дома. Хотя какой это дом? Совсем не такой, как я хотел, не деревянный двухэтажный с маленькими, но уютными комнатками. Это жилище состоит из четырех квадратных комнат, стены которых облеплены бумагой с какими-то цветочками и птичками, я помню, что это называется «обои». Какое странное слово.

Иду на кухню как во сне — почему как? — дальше ничего не помню, во сне такое часто случается. Кажется, я пил кофе — опять куда-то проваливаюсь...

Может, просыпаюсь? Все мысли где-то далеко.

Серый мир встречает меня глухим молчанием, я стою, вернее, парю над своим трупом. Я — дух. Слава богу, вернулся-таки в реальность! Проснулся, то есть. Спал я недолго, видимо, просто бредил. Проверяю время на своих часах, тех, что бандиты оставили на трупе. Издеваются, гады. Вот, мол, твоя вещь, а взять ее никак не сможешь. Так и есть, бредил я минуты две. Надоело! В моей душе поднимается гнев, и дух мой чернеет на глазах. Так дальше жить нельзя! Мечь! Это слово особенно врезалось в мое сознание. Мечь! Эти подонки должны заплатить, и они заплатят! Мечь!

Мой дух несется по дороге, едва заметно шелестя одеждами и проскальзывая призрачным силуэтом в тени деревьев. Всем известно, что духи движутся быстрее живых, я нагоняю этих мерзавцев, тех самых, что оставили меня на дороге. Мечь! Они едут на конях, огромных откормленных мустангах, звенят доспехами, пьют пиво и о чем-то весело переговариваются. Мне нужно запомнить только их имена — вам я их не скажу, да и зачем? Во многом моя история совсем не об этом, мечь — это мое личное дело. Мечь!

Пусть я и новичок, но я не буду выжидать момента, когда сравняюсь с ними, я отомщу прямо так, без высоких характеристик, умений и заклинаний. Я найду способ!

Ночная встреча

Я иду по ночному Тринсику. Кстати, забыл представиться — мое имя Валеск, так что теперь вы знаете, как ко мне обращаться, плохо или, хорошо ли — это уже ваше дело. Фонари освещают ночь, где-то ухает сова, над головой проносится ворон. Ночь хороша, и хорош был день. Я ничему не научился, зато весь день провел на природе, в маленькой палатке которую я нашел и присвоил себе, возможно, незаконно, но следов настоящих хозяев я в ней не обнаружил.

Помню, как сейчас, тот вечер: я в одиночестве шел по лесу, листая свою книгу заклинаний и разучивая пару простых заклятий. На палатку я набрел случайно — синий тент, присыпанный листвой, стоял под раскинувшим ветви вековечным дубом. Я с опаской зашел внутрь, хозяев дома не было, причем уже давно, если судить по развалившейся и покрытой паутиной мебели. Тент стоял покинутым, возле входа было много следов диких зверей, в ящиках завелись тараканы и крысы. Я решил, что поселюсь здесь. Местность была дикой, и путники сюда никогда не заглядывали — это ущелье было моим секретным местом. Именно сюда я приходил поохотиться, поупражняться в стрельбе и магии. Кроме того, здесь вообще не было монстров, и это место хранило свои неизвестные никому, кроме меня, секреты. Какие? Не скажу, не для того я так долго оберегал свое пристанище.

Я выбросил старую мебель и мусор, вычистил почерневшие от копоти и времени пологи палатки, выгнал крыс и вывел тараканов. Я собственными

руками нарубил деревьев и смастерил из них нехитрый стол, несколько стульев, шкаф и маленький круглый столик, на который поставил свой хрустальный шар. Я перетащил в тент сундуки и ящики, полные припасов. Все их я заколотил, чтоб крысы и тараканы не пришли на запахи еды. Из Бритейна я лично прикатил бочку с пивом, ее я пристроил в углу. Теперь это был Мой дом, и у старых хозяев было на него меньше прав, чем у меня.

Я отбросил ненужные воспоминания и двинулся дальше по темным улицам Тринсика, я целенаправленно шел к ювелирной лавке, там меня ждали мои друзья. Повернув, я вышел на главную улицу, и увидел странное зрелище: три человека в железной броне с обнаженными клинками скалились на одного странного вида мужика с нелепой прической, одетого в красные шаровары и саблей наголо. Мужик в шароварах был моим другом, его звали Байда, а сам себя он называл вечный невбис. С ним произошло нечто странное — он тренировался уже больше года, но его воинские умения росли с черепашьей скоростью, великий мастер Гильдии Воинов сказал, что они достигают 53.8 из 100. И это в то время как все его друзья и враги стали мастерами меча и магии. Больше всего на свете я хотел избежать такой страшной и странной судьбы. Враги Байды надвигались, а он отступал, выдвинув перед собой меч.

— Предупреждаю скоты, я позову стражу при первом движении с вашей стороны! — прокричал Байда и вытащил из-за пояса тонкий кинжал. Шансов победить врагов в схватке у него не было.

— Не нужно тебе было лутить мой труп Байда, ох, не нужно было! — один из наступавших ухмыльнулся и прокричал. — Стража!

— Стой, ИДИОТ! — проорал его товарищ, но было поздно.

Стражник появился из дымки телепортации и отрубил кричавшему голову четким, вымеренным ударом. Его окровавленный труп ударился о мостовую, звеня доспехами.

— Я был серый, ты идиот! — прокричал его дух и растворился в темноте.

— Двое на одного, детки! — улыбаясь, сообщил Байда. — А я уже давно не серый — вы малость опоздали!

— Бей гада! — крикнул рыцарь в сером плаще и кинулся с мечом наголо, целя в вечного неvbиса.

Взмахнув мечом, он остановился у самого горла Байды, тот даже глазом не моргнул.

— Блефуешь сынок, — сообщил Байда и кончиками пальцев отвел смертоносное острие. — Иди проспись, а потом людей пугай.

Рыцарь что-то прорычал и отошел назад. Внезапно Байда развернулся и бросился в лес, ломая ветки. Взвывшие от счастья нападавшие бросились за ним, крича и улюлюкая в предвкушении кровавой расправы. Байда нырнул в тень деревьев, погоня кинулась следом, но они внезапно развернулись и побежали назад к городу, в их глазах был ужас. Из тени деревьев выскочил Байда с арбалетом, за ним оттуда же вышел суровый рыцарь в черной броне. Имя его было Мунгуз, и он был нашим с Байдой общим другом. Собственно, к ним двоим я и явился на эту позднюю встречу у ювелирной лавки.

Мунгуз вскинул лук, и они с Байдой мигом расстреляли чересчур задиристых рыцарей. Я видел и даже участвовал в этом не раз — Байда с Мунгузом отлично работали вместе: один выманивает — второй убивает, потом оба делят добычу. Байда с Мунгузом уже снимали вещи с трупов, а я все еще стоял в тени, вспоминая свою жизнь и первую встречу с Байдой.

Память

Запах гнили и сырости, вот что мне запомнилось больше всего. Почему гнили? Наверное, потому что первым существом, которое я убил, была лужа странного, липкого вещества, прилипавшего к ногам. Я просто для интереса поджег ее и стал смотреть, как она плавится, горит и выкипает. Тогда-то я и почувствовал этот сладко-едкий, похожий на гнилой лимон запах гнили.

Лучшего слова и не придумаешь — гниль. Только потом я узнал, что эта штука была опасной, могла отравить меня, тогда я просто сидел над ней и ковырял ножиком эту странную кипящую массу. Гниль. Это единственное, что я помню о своем детстве. Как ни стараюсь, не могу больше ничего вспомнить. Что было до этого? Не помню, где я жил, кем были мои родители, помню только кипящую мертвую массу. Гниль. Наверное, меня слишком часто били по голове. Сырость. По стенам того подземелья, где я зажарил гниль, тонкими струйками текла вода, должно быть, оно находилось под озером или рекой, никто никогда не бывал над ним, все попадали туда через синий портал — должно быть, я тоже попал туда сквозь него, но точно ничего не помню. Сырость. Сырость и гниль.

Я иду по улицам ночного города, но это не Тринсик, я не помню его названия, но помню, что возвращался с кладбища. Что я делал там? Бился с нечистью? Не похоже... Я точно помню, что тогда не владел даже магией. Может быть, я был на могиле родичей. Хоть убей, не помню. Наверное, меня все-таки слишком часто били по голове. Ночь и сырость, опять сырость. Прошел дождь, и ночь впитывает его аромат, грибной запах, грибы. Ночь и грибы. Это второе, что я помню о себе.

Я захожу в кабаk. Темно. Зал освещают только две лампы, за столами сидят люди, знакомые лица — или нет? Я заказываю пиво и сажусь за столик, ждать свой заказ, сажусь и засыпаю.

Это первый сон, который я помню. Тот же дом с птичками и цветами на стенах, но чего-то не хватает. Меня? Нет, я здесь. Выхожу из квартиры, спускаюсь по лестнице. Ночь. Меня кто-то окликает, я ускоряю шаг, за мной гонятся. Бегу. Падаю. Снег, вкус снега во рту, мерзлая вода, смешанная с кровью. Меня бьют, даже во сне чувствуется боль. Снег — мерзлая вода с привкусом крови. Боль. Я помню эту боль.

Магия — вот самое яркое воспоминание о прошлой жизни. Впервые я увидел мага в Миноке, он ходил у шахты и ждал, пока кузнец закончит золотое ожерелье для его жены. Я проходил мимо и случайно наступил на его плащ, он как раз шагнул вперед, и мы оба упали на землю. Я помню, что сильно испугался, но маг только улыбнулся и подергал себя за седую бороду. Я попросил прощения, что испортил его плащ, но он только засмеялся и щелкнул пальцами. Я ахнул, рядом с ним появился медведь, он взревел, но был тут же изрублен невесть откуда появившимися парящими в воздухе клинками, его шкура превратилась в плащ, который маг немедленно надел. Я забрал себе его старый, порванный плащ, заштопал его и долго носил, вспоминая старого мага. Плащ пах полем, лесом и чем-то старым и ветхим. Старый маг, медведь, плащ.

Я помню школу на Мунглове. Помню, что прибыл туда учиться магии, которая в то время уже полностью завладела моим сердцем. Я помню, что жил там, практиковался в колдовстве, но не помню ни одного учителя. Я знаю, что они были там, но не помню их лиц и имен — может, они были призраками? Помню только пустые залы, магию и тишину. Магия и тишина.

Потом провал и просвет: я стою на корабле, который несет меня в Бритейн. Соленый ветер пронизывает меня до костей, но я стою на корме и смотрю на удаляющийся остров — Мунглов. Дальше я все помню четко, до малейших деталей. Я часто задумываюсь, что так прояснило мой разум? Магия? Думаю, да. И всякий раз, когда я думаю об этом, мне вспоминается соленый ветер, холод и удаляющийся остров. Я плачу — вкус слез — соленых, как ветер. Холод, ветер, слезы.

Гниль, сырость, ночь, грибы, снег, кровь, боль старый маг, медведь, плащ, магия, тишина, холод, ветер, слезы... Память.

Гниль — опять гниль, опять сырость. Я как бы возвращаюсь назад, нет, иду вперед, прошлое уже прошло. Сейчас я стою в том самом месте, где много лет назад зажарил гниль. Кажется, я могу увидеть на полу следы того самого костра — или это всего лишь обман зрения? Какая разница, прошлое пусть будет забыто — его всегда стыдятся. Наверное, именно тогда, стоя у входа в пещеру и вдыхая аромат сырости и гнили, я решил забыть себя. Забыть, и не вспоминать. И мне удалось, ведь сейчас я помню скорее вещи и ощущения, это больше не память — это как чужое пальто, прилипшее к телу, ставшее навеки твоим и не твоим. Жуткое ощущение.

Я отрекся от себя самого и двинулся вперед, чтобы начать новую жизнь. До этого я не жил — я был бессмысленной формой, прообразом себя — неисполненной возможности. Магия дала мне сил стать собой. Я ворвался в подземелье и начал жечь, крушить убивать, проверять свою силу на всем и вся. В этот раз гниль укусила меня, и яд проник в мою кровь — но я даже не заметил его, я был переполнен энергией, силой, магией. Я перебил тогда много монстров и решил проверить свою силу на более серьезном

противнике. Им оказался какой-то бедняга, спросивший у меня что-то. Я ответил ему на языке творения — языке магии — и яркое алое пламя поглотило его, разодрав его плоть. Из кучки пепла, некогда бывшим его телом, я вытащил все еще горячие, кое-где оплавившиеся золотые монеты — их было сто штук. Именно тогда я действительно ощутил свою силу!

Но в тот момент судьба отвернулась от меня, я получил первый в своей новой жизни урок: «Если ты можешь убить, то могут убить и тебя». Группа озверевших новичков подкараулила меня у выхода из подземелья, среди них был и тот бедняга, которого я так неосмотрительно поджарил совсем недавно. Эта веселая компания решила поживиться за мой счет и накинулась всем скопом. Я успел уничтожить троих, но оставшиеся двое повалили меня на землю и начали пинать ногами. Боль. Это была моя первая смерть — до этого я никогда не умирал. Даже странно, теперь я умираю по три раза на день. Помню, как во сне я боялся смерти, когда меня пинали ногами, а я глотал снег вперемишку с собственной кровью. В реальности же я ждал и надеялся, что это быстро кончится. Как все-таки они непохожи: жизнь и сны.

Смерть. Тогда я не нашел своих убийц. Быть может, я встречал их позже, но тогда я уже забыл обиду, во мне не было такой ненависти и жажды мести, как сейчас.

Когда я умер, и забытьё, наконец, овладело мной, я увидел сон. Я шел по ночной улице, совсем не такой, как в Тринсике, где я часто гуляю по ночам. Эта улица была черной и грязной, везде валялся таящий снег, я шлепал ботинками по лужам, сжимая в руках кусок ржавой трубы подобранный неподалеку, мной владели ярость и жажда мести, я вспоминал свой старый сон — про кровавый снег. Я искал тех уродов, которые подкараулили меня накануне ночью. Я жаждал мести сильнее, чем сейчас. Мечь. Я никого не нашел и выгоревшая во мне ярость оставила тяжкий след.

Я долго ходил по черным улицам, но моих обидчиков нигде не было. Я отбросил трубу и пошел домой. Сон и месть — какое странное видение, сны воюют со снами. Месть.

Когда я просыпаюсь и открываю глаза, вернее, их призрачное подобие, серый мир пугает меня своими мертвыми красками. Над моим телом, как странно видеть свое тело со стороны, стоит человек в красных шароварах — он улыбается. Я касаюсь призрачной рукой стоящего у стены креста, и краски возвращаются к опустевшему без них миру. Мое тело снова со мной.

— Привет, — говорит человек в шароварах, обращаясь ко мне.

— Привет, невбис несчастный, — говорю я. Один взгляд на тощего человека дает мне понять, что он новичок, и я смогу справиться с ним даже без помощи магии.

— Тебя никак ограбили и убили, — говорит человек, не обращая внимания на мои резкие слова, он протягивает мне плащ и кинжал, я беру их и пытаюсь сказать спасибо, но он прерывает меня и просто говорит. — Я Байда, идем со мной — я тебе мир покажу.

Я открываю глаза и вижу как Байда с Мунгузом лутят трупы.

Встреча старых друзей

Ночь в Тринсике — что может быть прекрасней? Тринсик — тихий город, в нем можно легко повстречать много самых разных людей, но он не забит ими, как Бритейн или Минок. Тринсик — это тихий, но большой город, окруженный стеной из прекрасного белого камня, из него построены все здешние дома. Именно это и бросается в глаза в первую очередь — белые тротуары и дома, люди в изящных костюмах, почищенные и причесанные лошади и полное отсутствие мусора, гадить в таком прекрасном месте рука

не поднимается даже у последнего бандита. Особенно же я люблю ночные прогулки в Тринсике: ряды фонарей освещают дорогу мягким светом, в домах горят свечи и магические светильники, наполняя воздух синеватым светом, то и дело тишину пререзает веселый смех компании, вывалившей из таверны, цоканье копыт лошади или вой волка в близком лесу. Сильнее Тринсика я любил только Мунглов, но это было давно — в той, старой жизни, когда я еще не чувствовал вкуса магии и смерти. Хотя, может, еще не все потерянно, и я когда-нибудь снова увижу Мунглов? Ах, как бы я хотел снова побывать на его песчаных берегах, углубиться в магические леса и ощутить волшебство древней библиотеки, где я когда-то учился магии. Мне почему-то казалось, что там мой настоящий дом. Быть может, так оно и есть? Домой, хочу домой!

Но сейчас я далеко от этого овечьего легендами острова — я в прекрасном городе, сижу за столом на веранде одного из ресторанчиков, вдыхаю сладкий ночной воздух. Рядом со мной сидят мои друзья — Байда в своих стандартных красных шароварах, и Мунгуз в зеленом камзоле — свою броню он спрятал в рюкзаке. Оба неторопливо пьют пиво, вслушиваясь в звуки ночного города.

— Засиделись мы на этом острове, — сказал Байда и допил пиво, оставшееся в его кружке.

— А ведь вечный небис правду говорит, — проговорил Мунгуз и подозвал официанта подать еще пива. — Засиделись мы — пора отправляться в приключение.

— Я не против, — говорю я и допиваю свою пиво. — Только дело здесь одно осталось.

— Какое еще дело? — спросил Байда, пристально глядя на меня.

— Козлам одним отомстить надо, — ответил я и откусил огромный кусок от куриной ножки.

Мунгуз последовал моему примеру, Байда отломал кусок поросенка, лежащего на огромном блюде. Весь наш стол был заставлен различными деликатесами.

— С каких это пор мы такие злопамятные? — шутливо спросил Байда, шутливо потому что в молодости сам враждовал с одним человеком очень долгое время. Кстати, если вам интересно, этим человеком был Мунгуз — его теперешний лучший и единственный друг. Но это уже другая история, может быть, я вам ее расскажу, как-нибудь потом.

— Отомстить? — переспросил Мунгуз. — Валеск, это на тебя совсем непохоже. Неужто и ты решил стать на тропу зла?

Байда подавился пивом, и чуть не упал со стула, его тело сотрясалось взрывами хохота. Действительно, было смешно слышать такие слова от красного как тряпка матадора человека. Мунгуз с Байдой были известными бандитами, но Байда при этом каким-то образом сохранял свою хорошую репутацию и мог беспрепятственно гулять по городам в любое время суток. Я тоже улыбнулся и был признателен Мунгузу за такую остроумную шутку, мое настроение давно требовало, чтобы кто-нибудь его поднял.

— Может, отложишь свою страшную месть, — спросил Мунгуз.

Байда, наконец, перестал смеяться и сказал:

— И мстя моя будет страшна! — чем еще больше развеселил сам себя.

— Идем с нами, — продолжал Мунгуз, не обращая внимания на смех Байды, которому, кажется, понравилась собственная шутка. — Мы яхту возьмем — отправимся в плаванье, может, отправимся в Буканир или на Магисию. Не все ж время на Британии сидеть.

— Ага, заедем в Мунглов. У меня там клад зарыт! — весело сказал Байда и умял огромное, сочное яблоко.

— Можно и в Мунглов, — согласился Мунгуз, запивая очередную порцию говядины кружкой пива.

Мунглов! Это слово снова прорезалось в моей душе, что-то забытое пробудилось во мне при этих словах. Домой, хочу домой! Я не был на этом острове уже очень долго, хотя до сих пор считал его своим единственным домом. Мечь. Это пламенное слово увяло в моей душе при воспоминаниях — единственных ярких и красочных в моей прошлой жизни — о песчаных пляжах и волшебных изумрудных лесах, где каждое дерево по-своему прекрасно, а толстая кора дубов на солнце становится золотой. Там было место, где зародилась магия, и даже отсюда — из самого прекрасного и любимого мною города, меня неудержимо тянуло туда. Мечь можно и отложить — никуда не денется. Мунглов. Вот что сейчас завладело моим сознанием. Домой!

— Ну, так что, согласен ли ты отложить свою мечь до другого раза? — спросил Мунгуз.

— Согласен! — весело сообщил я. Домой! Наконец-то! — Отправляемся в плавание и посетим все острова нашего архипелага!

— Нас ждут невиданные доселе приключения, но не бойтесь друзья, вечный небис спасет вас от любой опасности! — Байда рассмеялся и откинулся на спинку стула, вдыхая ночной воздух.

— Мы в плаванье отправимся — пиратами прославимся! — Мунгуз произнес старинный как мир тост, и мы вместе осушили свои кружки.

— Кушаем детки? — произнес писклявый голос и я, обернувшись, увидел одного из убитых недавно рыцарей. Он стоял в ободранном плаще, похожий на грязного нищего. — Приятного вам аппетита.

— Я красный, — прошептал Мунгуз. — Он позовет охрану, а с помощью магии я уйти не смогу — руны кончились.

Я незаметно передал Мунгузу руну в свой тент. Ничего страшного, если он там побывает — друзьям надо доверять. Байда, казалось, не замечал ободранного рыцаря, которого он собственноручно сам недавно и обдирал, причем дважды. Стоит нищему позвать стражу, как Байда, все так же улыбаясь, с порезанной глоткой упадет на землю — вечному неббису нечего терять: его шаровары и сабля были частью его души, он получил их в подарок от богов, давших ему жизнь.

Я не хотел видеть смерть друга и придумал свой план. Сам Байда магией пользоваться совсем не умел, но я читал в древних манускриптах, что, сконцентрировав энергию, можно перенести «Возвратом» не только себя, но и находящиеся вблизи объекты. Сам я этого пока еще не проверял, да и не знал ни одного колдуна, способного на такое, но попробовать все же стоило — я все равно ни в чем не виновен, стража меня трогать не станет.

— А я уже думал, вы смылись в лес, — продолжал говорить нищий, подходя все ближе и ближе.

Краем глаза я заметил, как Мунгуз сжал в руке мою руну, я последовал его примеру, концентрируя все внимание на Байде.

Внезапный шорох отвлек мое внимание, из-за дома выскочил маг и, раскинув руки, пропел заклятье. Частички красной энергии окутали Мунгуза, нападающий маг явно ничего не боялся — любое действие против красных, будь то колдовство или вооруженное нападение, законом не каралось.

— Мана! — вскрикнул Мунгуз. — Эта сволочь высосала мою ману! Хватайте мои вещи, хоть их сохраню!

— Стража! — крикнул нищий.

Мунгуз вскочил и скинул с себя все драгоценности, Байда продолжал сидеть и улыбаться. А я вскочил и — не помню точно, что дальше произошло — в критические моменты человек лучше думает. Я молниеносно пустил в мага огненный шар, нищего поразил молнией, и одновременно концентрируюсь на Мунгузе, Байде, столе с едой и стульях, на которые попадали драгоценности Мунгуза, прочитал заклятье перехода. Смешалась дымка нашей телепортации и телепортации стража, на секунду мне показалось, что черный силуэт, выплывший из окружающего нас фиолетового тумана, замахнулся алебардой над головой Мунгуза, но тут же расплылся, не причинив ему никакого вреда. Байда вскочил и, показывая исчезающим в дымке, израненным моими заклятьями магу и нищему средний палец, прокричал:

— И будет страшна моя мстя! — и рассмеявшись, упал на свой стул, проглатывая одним махом кусок оленины.

Туман окутал нас, скрывая все вокруг. Последнее, что я услышал, было чавканье Байды. Вечный небис наслаждался происходящим.

Дорога втроем

Шелест листвы и пение птиц — вот что я услышал, когда пришел в себя. Белые с синим стенки палатки смотрели на меня сверху, я опустил голову и обнаружил, что все еще сижу на стуле, на том самом — из таверны в Тринсике. Рядом стоял стол того же происхождения, на котором все еще покоились недоеденные блюда. «Удалось!» — эта мысль прорезала голову своей отчетливостью, я совершил переход, забрав с собой предметы мебелировки и пару приятелей — такое раньше не удавалось даже величайшим магам. Наверное, у меня талант.

Я оглянулся в поисках друзей и лишний раз удостоверился, что нахожусь в своем тенте, в своей секретной лощине, в маленьком ущелье, где никто, кроме меня, и людей, построивших этот тент, не бывал, в этом я был уверен точно. Правда, теперь про это место знали мои друзья — ну ничего, как я уже говорил: друзьям надо доверять.

Полог палатки зашелестел и Мунгуз вошел в образовавшуюся дверь.

— Вставай, герой! — сообщил Мунгуз и упал на соседний стул, — Уж не знаю, где ты набрался этих новых фокусов, но вчера ты спас мою и Байды жизни.

— Кстати, а где Байда? — спросил я, подливая себе подогретого на солнце пива.

— Обследует твои владения, — сообщил Мунгуз и тоже подлил себе пива. — Я-то думал, что облазил весь остров, но в этом ущелье никогда не бывал. Сдается мне, что оно секретное.

— Верно, пройти в него можно только через одно подземелье. Через какое именно не скажу, надеюсь, ты понимаешь причину.

— Ясный пень! — воскликнул Мунгуз. — Спасибо хоть показал свою секретку, если б у меня было такое же место — никому б не сказал.

— Надеюсь, ты никому не проболтаешься, если я разрешу тебе сделать пару рун для себя?

— Ни в жисть! — сообщил Мунгуз и, улыбнувшись, продолжил — Байда — и тот не проболтается, он умеет хранить секреты. Помню, у него когда-то два месяца в банке лежало крутое магическое копьё, а применил он его только однажды.

— Чтобы прибить тебя и отобрать другое такое же копьё, — прервал я рассказ Мунгуза, — Я уже слышал эту историю.

За стеной тента что-то зашуршало, и в палатку вошел Байда. Точнее, вбежал, и тут же опрокинул себе в рот весь кувшин с пивом.

— Двое! Идут сюда, меня не заметили, — с ходу выпалил он и выхватил саблю. — Будем здесь защищаться. Валеск, готовь укрепления, Мунгуз — оружие к бою.

— С каких это пор ты тут командуешь?! — огрызнулся Мунгуз, но меч таки вытащил. — И вообще, что еще за двое?

— Орки! — сказал Байда и перетащил ящики к входу в тент, подготавливая укрепления.

— Всего-то, — Мунгуз разочарованно опустил меч в ножны. — Пускай себе ходят — придут, я их руками передую.

— С ними дракон! — крикнул Байда и для верности опрокинул на ящики шкаф.

— Fuck! — вскрикнул Мунгуз и вытащил меч, кинжал, лук, крис, копьё и топор.

Всю эту грудку оружия он свалил на стол, чтоб вовремя схватить самое удобное для разных видов боя оружие.

— Откуда они пришли?!

— Из подземелья, — сообщил Байда. — Кстати, Валеск, ты не можешь еще раз проделать тот же фокус с переходом?

— У меня руны кончились, — сообщил я и посмотрел на Мунгуза, может, у него есть? Мунгуз покачал головой, угадав мои мысли.

— У меня рун тоже нет! — сообщил он.

— Тогда уходим! — прокричал Байда свое коронное слово и, перепрыгнув через свои же укрепления, понесся в лес, глотая на ходу зелья, усиливающие ловкости.

Мы с Мунгузом, задержавшимся собрать свое оружие, последовали его примеру.

Мы бежали сквозь лес, ломая ветки и прыгая через высокие заросли колючего кустарника, Байда несся впереди, проглотив, наверное, десять пилюль, повышающих ловкость. Он бежал с огромной скоростью — быстрее всадника на мустанге, совершая фантастические прыжки — он взмывал в воздух на несколько метров, перелетая через низкие деревья. И медленно — словно паря на потоках ветра, опускался на землю, его шаровары трепетали на ветру, а блики на стальной сабле играли разными цветами — это зрелище завораживало. Я пожалел, что не взял с собой таких зелий и, повинувшись неожиданному импульсу, прибавил скорости, прыгая через узкую речку. Прыжок получился восхитительный — я медленно, паря как птица, перелетел через реку, время слилось как застывший мед, я опустил голову — как во сне и увидел под своими ногами, далеко внизу мерцающую голубым цветом полоску реки. Ноги безвольно болтались в воздухе — я летел как птица, но ощущение полета сменилось тяжестью падения, и я, напрягая ноги, ударился о землю, припав на одно колено. Падение и приземление вышло прекрасным, как и сам прыжок. Только привстав, я ощутил силу магии — кто-то наложил на меня заклятье, усиливающее ловкость, и сейчас оно медленно пропадало. Я понял, что это сделал Мунгуз, и увидел его черный силуэт, парящий над рекой вслед за мной. Но не было времени останавливаться, чтобы поблагодарить его — я снова понесся, используя последний импульс заклятья скорости.

Впереди я видел Байду, бегущего меж деревьев с огромной скоростью, внезапно — о, ужас! — огромная красная туша дракона взвилась в воздух рядом с ним, обжигая все вокруг своим огненным дыханием. Байда

подпрыгнул и взлетел в воздух метров, наверное, на двадцать — невероятное зрелище. В полете он поравнялся с драконом, и время снова замедлило свой бег, повинувшись неведомой силе. Я созерцал повисших рядом в воздухе человека и чудовище, алая шкура зверя и красные шаровары Байды резко выделялись на голубом фоне утреннего неба. Вот бы запечатлеть эту причудливую картину! Я увидел, как из носа дракона медленно вылетела струйка дыма и как неестественно, словно во сне открылась его громадная пасть, откуда выползли, именно выползли, языки пламени. Увидел, как Байда сжал одну ногу в колене и, раскинув в сторону руки, как мастер кунг-фу в одной из своих боевых поз, он начал падать назад на спину — и медленно ползущие языки пламени прошли над его головой, даже не задев этого летучего человека. Внезапно время понеслось в обычном ритме, и я увидел, как Байда упал на землю, поломав ветки деревьев и ударившись спиной. Дракон снова обдал его своим дыханием, но он откатился и, вскочив снова, понесся вперед — в сторону далеких гор. За ним последовал я, слыша рядом с собой тяжелое дыхание Мунгуза — или может быть, это была сама смерть?

Не буду утомлять вас дальнейшим рассказом о нашем побеге, поверьте, вас ждут более интересные и невероятные истории, скажу только, что мы-таки сумели оторваться от дракона, но попали в засаду орков, которые встали лагерем возле гор. Странно, я всегда считал, что в моем ущелье монстров нет. Наверное, это были твари, забредшие сюда из подземелья, вход в которое находился не так уж далеко. Мы перебили всех монстров. Даже Байда уложил пять или шесть, он двигался со скоростью, которая, казалось, опережала время, он слился в размытый силуэт, мерцавший стальной дугой, наносящей удары.

Мы собрали пожитки орков и одним огромным прыжком — предварительно напившись зелья и использовав магию — запрыгнули на

самую верхушку гор, побывав при этом в облаках. Я никогда не забуду это белое, воздушное поднебесное царство. Теперь я часто бываю там, прыгая в них с вершук гор.

Приземлившись на небольшой скальной террасе, мы упали без чувств. Действие зелья прекратилось, и ноги сковала непреодолимая усталость. Последнее, что я услышал, были слова Мунгуза:

— Вот это прыжки! — восторженно сообщил он и провалился в долгожданный сон.

Я последовал его примеру, и приятная темнота поглотила меня.

Мне снова приснился этот странный сон — вернее, один из многих странных снов, которые иногда посещают меня.

Я снова сидел на офисном стуле и точно знал, что куда-то опаздываю. Я встал и пошел одеваться, натянул пальто, вокруг была все та же квартира с птичками и цветами на стенах, все та же железная дверь и темная лестница. Я выхожу на улицу — ночь — прохладная, весенняя ночь, совсем не такая, как в прошлый раз, когда я бродил по улицам с куском трубы.

Я иду по ночному городу, вдыхая аромат весны и ничего не боюсь, я иду в магазин, у него какое-то странное название, кажется, «Вавилон». В магазине все как обычно — то есть во сне это обычно, а на самом деле полнейшая чушь, покупаю две бутылки пива, крабовые палочки и какую-то рыбину.

Иду домой, опять лестница, опять дверь, птички-цветочки, кухня пиво, рыба, пресловутые палочки, опять пиво, офисный стул.

Просыпаюсь, или, может, наоборот, засыпаю?

Утро. Опять. Неужели я проспал весь день и ночь? Похоже на то, потому что я страшно голоден. Повезло еще, что меня не съели во сне, такое со мной тоже случилось. Я лежу на каменной террасе и гляжу в серое, облачное небо, вдыхаю влажный воздух и чувствую, что вокруг сгустился туман. Сейчас действительно раннее утро, почти еще ночь — я очень люблю это время суток, особенно я люблю туман и окутанные им верхушки деревьев. Очень красивое зрелище: стелящаяся по земле белая пелена, туман.

Голод поднял меня на ноги, жуткий голод, в животе урчало. Я повертел головой в поисках своих друзей и увидел Байду, тот разжег костер на краю террасы и готовил на огне мясо, рядом с ним лежали два бурдюка — должно быть, с питьевой водой.

— Привет Валеск, я уже думал, ты не проснешься! — сообщил Байда, поворачивая вертел с мясом. Острый запах попал мне в нос, и слюна заполнила рот.

— Где Мунгуз? — сказал я, пересиливая желание отобрать у Байды сырое мясо и сожрать его прямо так.

— Не знаю. Когда я проснулся, его уже не было. Давай лучше жрать, черт знает, где он шатается!

Согласившись с железной логикой Байды, я присел на скалу и стал терпеливо ждать пока мясо подрумянится и станет пригодным к употреблению. Байда то и дело поливал мясо водой из бурдюка, но оно все-таки подгорело. Впрочем, есть его было можно, и я с жадностью умял свою порцию.

Мы ели и наслаждались рассветом, освещающим верхушки деревьев. Волшебный туман стелился по земле, и я был по-настоящему счастлив. А ведь еще предстояла поездка в Тринсик, где стояла наша яхта. Мы будем путешествовать пешком, иначе какой смысл в путешествии? Мы поплывем

по морям и океанам, мы будем рыбаками, пиратами, буканерами, корсарами, мы отыщем все зарытые сокровища, мы побываем на всех островах архипелага, и в конце своего путешествия я снова буду стоять на песчаных пляжах Мунглова. Домой! Быть может, не все еще потерянно для меня? Месть ведь можно и отложить.

А пока мы сидим на скальной террасе, пьем родниковую воду и любимся туманом.

Гниль, сырость, ночь, грибы снег, кровь, боль старый маг, медведь, плащ, магия, тишина, холод, ветер, слезы, холодная родниковая вода, туман, рассвет — память.